

«ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ДИПЛОМАТИЯ» Г. КОЛЯ

Ф. О. Трунов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 27 апреля 2017 г.

Аннотация: исследуются особенности использования объединенной ФРГ политico-дипломатических инструментов с целью самоутверждения как державы в 1990-е гг. На основе опыта «прецедентной дипломатии» правительства Германии при «позднем Коле» раскрывается развитие переговорной школы ФРГ.

Ключевые слова: Германия, дипломатия, переговорная школа.

Abstract: the article explores the features of the usage of political and diplomatic tools by the united Germany in the 1990s with the aim of asserting itself as power. Based on the experience of «precedent diplomacy» of German government at the period of the «late Helmut Kohl» the paper covers the development of negotiation school of the Federal Republic of Germany.

Key words: Germany, diplomacy, negotiation school.

На фоне стратегического ухудшения отношений Евро-Атлантического сообщества¹ и России наблюдается уход из жизни западных, в том числе германских, политиков, которые участвовали на рубеже 1980–1990-х гг. в создании архитектуры той модели миропорядка, латентные проблемы и «перекосы» в развитии которой стали причиной глубоких, сопровождаемых чередой кризисов, сдвигов международного политического ландшафта. К числу данных «архитекторов» относятся Г.-Д. Геншер (1927–2016 гг.) и Г. Коль (1930–2017 гг.) – оба являются собой примеры политических долгожителей по меркам истеблишмента Евро-Атлантического сообщества. Г.-Д. Геншер почти два десятилетия (1974–1992 гг.) занимал посты министра иностранных дел и вице-канцлера (передав этот пост своему однопартийцу по Свободной демократической партии Германии К. Кинкелю), а Г. Коль свыше 15 лет (1982–1998 гг.) был канцлером ФРГ. На своем посту он прошел через три эпохи: второго «прочтения» «классической» холодной войны, свертывания ее противостояния и возникновения постбиполярного миропорядка. Безусловно, тандем Г.-Д. Геншера и Г. Коля наиболее ярко проявился на рубеже 1980–1990-х гг.: им удалось в основном решить все внутренние и, что не менее важно, внешние вопросы «германского вопроса», т. е. включения территорий ГДР в состав «старой ФРГ».

Однако вклад Г. Коля в создание новой, проектируемой как западноцентрическая, архитектуры миропорядка состоит не только в том, что ему удалось достичь ключевой цели внешней политики западно-

германского государства с момента его образования, но и начать движение на пути к следующей стратегической задаче – возвращению объединенной Германии полноценного статуса державы. В годы «классической» холодной войны официальный Бонн обладал огромным экономическим потенциалом и несомненно меньшим политическим весом. Так, бундесвер, будучи сосредоточен на обеспечении территориальной обороны ФРГ, не привлекался к решению проблем безопасности за пределами Евро-Атлантического сообщества до начала 1990-х гг. Ограничено было и использование на этом направлении политico-дипломатических инструментов.

При «позднем Коле», т. е. в периоды работы IV (1990–1994 гг.) и V (1994–1998 гг.) возглавляемых им кабинетов ФРГ, ситуация качественно изменилась: Германия проходит большую часть пути для достижения состояния «нормальности» в своей внешней политике, т. е. способности и готовности эффективно использовать для обеспечения собственных национальных интересов широкий набор внешнеполитических инструментов вплоть до военно-силовых.

Составляющей этого процесса стал комплекс дипломатических усилий, который автор статьи склонен обозначить термином «прецедентная дипломатия» Г. Коля. Под ним в работе понимается цепь политических шагов, являющихся примерами деятельности ФРГ в авангарде или на опережение своих партнеров по Евро-Атлантическому сообществу с целью демонстрации роста своих влияния и роли на мировой арене. Соответственно, задача статьи – изучение направленности и политических последствий «прецедентной дипломатии» Г. Коля в первой половине – середине 1990-х гг.

Использование политico-дипломатических инструментов в сфере международной безопасности в

¹ Под Евро-Атлантическим сообществом в данной статье понимается совокупность институтов и государств – членов ЕС и НАТО.

© Трунов Ф. О., 2017

начале 1990-х гг. приобретало для вновь объединенной ФРГ особое значение. Уже в этот период руководство Германии, с одной стороны, демонстрировало стремление к принятию повышенной ответственности за урегулирование широкого круга проблем на мировой арене [1, S. 857–859], а с другой – не было готово активно использовать для этого военный потенциал. Это объяснялось не только сохранением соответствующего формального запрета в Основном законе (1949 г.) до 1994 г. [2, p. 38–39], но и отсутствием практики проведения операций (в том числе по миротворчеству и поддержанию мира) с использованием бундесвера.

Переговорный процесс 1990 г. по объединению ФРГ обогатил германскую переговорную школу опытом «форсированных переговоров». Под давлением США тогдашнее руководство СССР во главе с М. С. Горбачевым согласилось на изменение формулы переговоров с «4 + 2» (державы-победительницы плюс два германских государства) на «2 + 4» в феврале 1990 г. [3, с. 333–337]. Это де-факто означало передачу стратегической инициативе ФРГ (и стоявшей за ней США), обладавшей неоспоримым политico-военным и экономическим преимуществом над ГДР, лишившейся поддержки руководства СССР. В ходе полугодового «дипломатического марафона», кульминацией которого стали переговоры во время визита в СССР Г. Коля с М. С. Горбачевым один на один (15 июля) и в составе делегаций (16 июля), «черно-желтому» кабинету удалось добиться выдающихся успехов. Руководство Советского Союза согласилось на предоставление объединенной Германии суверенитета, что выразилось в возможности сохранения ее членства в НАТО и выводе войск СССР (на фоне сохранения военных сил стран – участниц Альянса на территории ФРГ) [4, с. 509–519]. Ключевые решения были оформлены в подписанном уже 12 сентября 1990 г. – спустя полгода после начала переговоров – Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии [5, с. 34–36]. При этом обязательства самой ФРГ в отношении СССР (в первую очередь по финансовому содействию выводу войск) были урегулированы уже после этого, что позволило «черно-желтому» кабинету добиться новых серьезных уступок со стороны руководства СССР во главе с М. С. Горбачевым.

С точки зрения автора, главный урок, который вынесла германская переговорная школа из опыта переговорного процесса 1990 г., – это выгодность «форсированных» переговоров. Действуя на опережение своих партнеров – в первую очередь СССР, а также Франции и Великобритании (весьма противившихся объединению Германии) – ФРГ не позволяла им в полной мере использовать свой переговорный ресурс, вынуждая идти на тактические уступки, неоднократно перераставшие в стратегические. Этот

опыт, думается, во многом повлиял на формирование «прецедентной дипломатии» Г. Коля.

Ее реализация, по мнению автора, в первой половине – середине 1990-х гг. проходила в трех основных направлениях: в Восточной Европе и Прибалтике, на Балканах, Ближнем Востоке и Африканском роге.

Восточная Европа и Прибалтика. Первостепенным для официального Бонна в начале 1990-х гг. являлось использование политico-дипломатических средств для установления взаимодействия с акторами бывшего социалистического лагеря. Следуя логике «классической» холодной войны, укрепление политico-военных позиций Германии и ее западных партнеров именно в этом регионе имело ключевое значение для обеспечения безопасности страны на обозримую перспективу.

Уже 27 августа 1991 г. при ведущем участии ФРГ страны – участницы Европейских сообществ объявили о дипломатическом признании Литвы, Латвии и Эстонии. С целью ускорения практического налаживания отношений с ними были предприняты две меры: учреждена специальная комиссия из западных дипломатов, а главы МИД трех прибалтийских республик были приглашены на состоявшееся в сентябре 1991 г. заседание министров иностранных дел государств Европейских сообществ [6]. Момент для установления институциализированного диалога с тремя на тот момент еще союзными республиками СССР был выбран весьма удачно – деятельность центральной вертикали власти в стране была парализована в условиях начала гонений на КПСС на территории РСФСР после неудачного выступления ГКЧП. Уже 11–12 сентября 1991 г. Г.-Д. Геншер встретился со своими визави из всех трех прибалтийских государств, тем самым закрепляя наметившийся успех [7, S. 15]. 20 апреля 1993 г. уже преемник Г.-Д. Геншера К. Кинкель подписал с главой МИД Латвии договор об основах отношений с этой страной. Вслед за этим документы аналогичного были заключены с Эстонией и Литвой [Ibid., S. 25]. В 1994 г. был создан формат «В3 + 1» (три страны Балтии и Германия). В фокусе работы его участников (встречи в основном проходили на уровне глав МИД) стало обсуждение перспектив отношений стран субрегиона с ФРГ как державой НАТО и ЕС – в первую очередь в области международной безопасности [8].

Параллельно Германия стала реализовывать активные шаги по улучшению отношений с Польшей – наиболее крупной из стран – участниц бывшей ОВД. Так, 16–17 мая 1991 г. в ходе ежегодных германо-французских консультаций, в тот раз проходивших в Веймаре, Г.-Д. Геншер поставил перед своим французской коллегой Р. Дюма вопрос о необходимости учреждения трехсторонней политической площадки с привлечением Польши [7, S. 14]. Вскоре – 16 июня 1991 г. – в Бонне главами правительств и министрами

иностранных дел Германии и Польши был подписан договор о добрососедстве и дружбе [9], что стало отправной точкой для сближения официальной Варшавы с ФРГ как членом Евро-Атлантического сообщества. Уже 28–29 августа 1991 г. германская инициатива была реализована – в Веймаре состоялась встреча в трехстороннем формате, причем ФРГ сыграла ключевую роль в его создании, «прочертив» два отрезка «треугольника», ведущих от вершины (сама Германия) к двум другим [10, S. 81–82]. Сближение с Польшей облегчило процесс сближения ФРГ с Чехословакией (с 1993 г. – Чехией и Словакией) и Венгрией [7, S. 19–24].

Важную роль в успехе прилагаемых политико-дипломатических усилий ФРГ играло их грамотное информационно-идеологическое обеспечение, в основе которого были заложены два положения. Одно из них – это совместная критика внешней политики Третьего рейха (и полное признание ФРГ исторической ответственности за преступления нацистского режима) и подчеркивание объединенной Германией качественно иной, базирующейся на западных демократических принципах, внешней политики. В связи с этим официальный Бонн демонстрировал своим партнерам из бывшего социалистического лагеря готовность содействовать их сближению (и последующей интеграции) с НАТО и ЕС, а также нести ответственность за обеспечение безопасности потенциальных стран – участниц Евро-Атлантического сообщества. Символично, как указывал выдающийся отечественный франковед Ю. И. Рубинский, место запуска трехстороннего формата. Веймар являлся одновременно «малой родиной» для великих немецких поэтов И.-В. фон Гете и И.-К. Ф. Шиллера, был символом первой, оказавшейся неудачной, попытки Германии пройти демократизацию по западному образцу (в период существования Веймарской республики в 1919–1933 гг.). Не менее важно и то, что вблизи города находился при нацистском режиме концентрационный лагерь Бухенвальд [11, с. 2].

Другое положение информационно-идеологического обеспечения сближения ФРГ со странами Восточной Европы и Прибалтики – критика внешней политики СССР и в особенности подписанного с Германией 23 августа 1939 г. договора о ненападении, который стал основой для последующего укрепления позиций Советского Союза в Восточной Европе и Прибалтике². Так, формат «В3 + 1» был запущен в год 45-летия подписания договора, а встреча министров иностранных дел четырехстороннего формата была в 2012 г. специально проведена 23 августа [8]. Предпринимая данные шаги, официальный Бонн/

² В архивах по состоянию на 2017 г. не обнаружено оригинального текста секретных протоколов к договору о ненападении, в которых было прописано разделение зон влияния СССР и Германии.

Берлин стремился продемонстрировать понимание опасений стран Балтии со стороны якобы существовавшей «российской угрозы».

Установленное в 1990-е гг. политическое взаимодействие с середины 2000-х гг. – времени вступления стран региона в НАТО – стало развиваться и в военно-политической плоскости. С 2005 г. на ротационной основе из состава кригсмарине выделялись боевые и вспомогательные корабли в состав 1-й постоянной морской и 1-й постоянной контрминой групп НАТО, оперирующих в Балтийском море и прилегающих акваториях. Параллельно и от люфтваффе направлялись истребители в состав миссии Альянса по воздушному патрулированию стран Балтии, базирующейся на аэродромах в Эстонии (Эмари) и Литве (Шауляй). С 2016 г. подразделения бундесвера были направлены в Литву. Они создавали рамочную основу одного из 4 батальонов сил передового развертывания НАТО вдоль восточных границ Альянса [12]. Тем самым «прецедентная дипломатия» Г. Коля открыла путь для последующего наращивания военно-политического присутствия ФРГ в Восточной Европе с согласия партнеров по НАТО.

Балканы. В условиях распада Югославии, сопровождавшегося чередой вооруженных конфликтов, ФРГ активизировала использование своих дипломатических возможностей для поддержки образования новых государств и государственных образований. Так, 19 декабря 1991 г. «черно-желтый» кабинет, не согласовав предварительно свою позицию с европейскими партнерами по Европейским сообществам и НАТО, признал независимость Словении и Хорватии [7, S. 17]. Поддержка в обретении независимости именно этими двумя бывшими союзными республиками Югославии была продиктована культурно-исторической близостью их населения с Германией, а также стремительным сближением республиканских руководителей с официальным Бонном. Решение, принятое ФРГ, предопределило изменение подхода государств – членов Европейских сообществ, согласившихся 15 января 1992 г. признать независимость словенского и хорватского государств [Ibid.]. В тот же день «черно-желтый» кабинет, вновь действуя на опережение своих партнеров по Европейским сообществам, заявил об установлении дипломатических отношений с двумя новыми странами на Балканах [13, S. 428]. Показательно, что США – лидер коллективного Запада – пошли на аналогичный шаг значительно позже – лишь 7 апреля 1992 г. [Ibid., S. 429]. Стремительность в признании самостоятельности Словении и Хорватии со стороны Евро-Атлантического сообщества сужала до минимума возможности официального Белграда по сохранению их в составе единой Югославии.

Вслед за этим ФРГ обратила свои усилия на поддержку обретения независимости Боснии, где велись

боевые действия между военизованными формированиями хорватов-католиков (поддерживаемых официальным Берлином), бошняков-мусульман и сербского большинства, стремившегося к сохранению территорий в составе Югославии. Уже в ноябре 1992 г. правительство Г. Коля / К. Кинкеля признало независимость Боснии, что явилось серьезной мерой политической поддержки противников просербских сил – причем не только хорватов-католиков, но и бошняков-мусульман. После этого усилия германской дипломатии сосредоточились на сплочении двух указанных политических сил для совместной борьбы против сербского ополчения. Окончательно эта задача была решена в ходе первого этапа переговоров на военной базе США в Дейтоне (ноябрь 1995 г.), последовавшей за военно-воздушной операцией сил НАТО (в том числе люфтваффе) против отрядов сербского населения. При ведущем участии германских дипломатов В. Ишингера и М. Штайнера были выработаны договоренности об образовании боснийско-хорватской конфедерации как противовеса Республики Сербской (далее – РС) в составе независимой Боснии и Герцеговины (далее – БиГ) [14]. Первая из них занимала территорию в 51 % от всей БиГ, а РС – 49 % [Ibid.], что обеспечивало преимущество силам, ориентированным на самостоятельность от Югославии и сближение с Западом. Однако фактическое игнорирование интересов сербского населения обусловило сохранение латентной проблемы сепарации РС из состава БиГ, явившись тем самым фактором дестабилизации обстановки на Балканах.

С точки зрения автора, «прецедентная дипломатия» Г. Коля стала первым и весьма значимым этапом линии ФРГ по оказанию разносторонней поддержки в деле обретения независимости государствам и государственным образованиям, возникшим на территории Югославии. При этом с середины 1990-х гг. использование дипломатических инструментов стало сочетаться на балканском направлении с применением военных. Так, бундесвер принял участие в боевых операциях под эгидой НАТО в Боснии (1995 г.) и Косово (1999 г.), а также операциях по поддержанию мира на данных территориях (с момента окончания силовых акций) и Македонии (в 2001–2003 гг.) [2, р. 63–73]. Тем самым на Балканах, как и в случае с Восточной Европой, «прецедентная дипломатия» Г. Коля открыла путь к созданию стратегических позиций (в том числе обеспечения военного присутствия) ФРГ в «фокусном» для внешней политики страны регионе.

Ближний Восток и Африканский рог. Рост влияния Германии на востоке и юго-востоке Европы создавал благоприятные условия для постепенной дипломатической активизации ФРГ на мировой арене в целом. В условиях завершения войны между Эфиопией и Эритреей 31 августа 1993 г. Германия

установила дипломатические отношения с последней [7, S. 25]. Показательно, что параллельно бундесвер выделил масштабную (почти 2,5 тысячи военнослужащих) группировку для участия в урегулировании вооруженного конфликта в Сомали [2, р. 53]. С точки зрения автора, это свидетельствовало о приоритетности для ФРГ создания прочных стратегических позиций в Африканском роге, важном как с политико-военной, так и экономической точки зрения – для развития отношений со странами Южной и Восточной Азии и параллельно роста влияния в глубине Африки. Этому способствовало и развитие отношений с монархиями Залива – в первую очередь Саудовской Аравией, еще со временем «классической» холодной войны являвшейся одним из ключевых импортеров военной продукции ФРГ.

Выбор Эритреи, обладавшей несопоставимо меньшей, чем у Эфиопии, ресурсной базой внешней политики, был продиктован, с точки зрения автора, двумя основными соображениями. Одно из них – это союзнические отношения Эфиопии с СССР в годы «классической» холодной войны. Другое положение – преобладающее (свыше 50 %) мусульманское суннитское население в Эритрее (в отличие от Эфиопии, где значительную часть составляли христиане-монофизиты), что укрепляло позиции ФРГ в исламском мире, в том числе на Ближнем Востоке – регионе, где политico-военная активность (за исключением Аравийского полуострова и Израиля) Западной Германии до 1990-х гг. была весьма ограниченной.

Достижению этой цели способствовало и включение германской дипломатии в урегулирование арабо-израильского конфликта, в первую очередь противоречий между официальным Тель-Авивом и Палестиной. Хотя ФРГ не принимала участия в национальном качестве в переговорах «Осло-1» и «Осло-2», она последовательно придерживалась курса на создание двух государств – Израиля и Палестины. Стремясь закрепить достигнутый на переговорах успех, Германия первой (!) из стран – участниц мирового сообщества разместила в начале 1994 г. свое консульство в Рамалле, тем самым установив полноценные дипломатические отношения с Палестинской национальной автономией [15].

Однако в целом, в отличие от Восточной Европы и Балкан, «прецедентная дипломатия» правительства ФРГ при Г. Коле на Ближнем Востоке носила более точечный (избирательный) характер. Первоочередной задачей являлось укрепление в сопредельных с Германией и ее партнерами по ЕС регионах, т. е. именно на территории бывшего социалистического лагеря и распадавшейся Югославии; решить эти задачи удалось лишь к середине – второй половине 2000-х гг., причем не в полной мере (что показывают примеры Боснии и Косово). Соответственно, до этого масштаб-

ное политическое и особенно военное проникновение на Ближний Восток и в Африку было сложным.

В основе схемы «прецедентной дипломатии» Г. Коля лежало использование трех инструментов:

1) признание независимости вновь возникавших на мирополитическом ландшафте после окончания «классической» холодной войны государств;

2) установление с ними дипломатических отношений;

3) качественное улучшение отношений, в том числе с государствами, в годы холодной войны бывшими в противоположном лагере, посредством образования с их участием много- (обычно трех- и четырех-) сторонних форматов.

Первые два инструмента использовались на всех рассмотренных направлениях «прецедентной дипломатии» ФРГ, а третий – лишь в отношении Восточной Европы, что вновь показывает особую важность данного региона во внешней политике объединенной Германии.

Главным результатом использования политического инструментария страны в эпоху «позднего Коля» (1990–1998 гг.) следует признать превращение ФРГ в региональную державу, ставшую одним из центров региональных подсистем не только Евро-Атлантического сообщества, но и Восточной Европы и Балкан. При этом через 5–10 лет после создания политических позиций для закрепления стратегических позиций осуществлялось военное проникновение Германии в «фокусные регионы». Действуя на опережение своих партнеров – в первую очередь по Европейским обществам, ФРГ уже в 1990-е гг. на практике показала свою способность нести повышенную ответственность за происходящее на мировой арене, что стало важной предпосылкой последующего движения Германии к статусу глобальной державы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rede des Bundesministers des Auswärtigen, Hans-Dietrich Genscher, am 25. September 1991 vor 46. Generalversammlung der Vereinten Nationen in New York // Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland: Dokumente von 1949 bis 1994. Eine Dokumentation Herausgegeben vom Auswärtigen Amt. Bonn, 1994. – S. 857–860.

2. The Bundeswehr on Operations : Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin : Federal Ministry of Defense, 2009. – 120 p.

3. Из беседы М. С. Горбачева с Дж. Бейкером. 9 февраля 1990 г. // Михаил Горбачев и германский вопрос : сб. документов. 1986–1991 г. – М. : Весь мир, 2006. – С. 332–338.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Трунов Ф. О., кандидат исторических наук, научный сотрудник факультета мировой политики

E-mail: 1trunov@mail.ru

4. Из беседы М. С. Горбачева с Г. Колем. Архыз, 16 июля 1990 г. // Михаил Горбачев и германский вопрос : сб. документов. 1986–1991 гг. – М. : Весь мир, 2006. – С. 508–524.

5. Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации: Выпуск XLVII. – М. : Международные отношения, 1994. – С. 34–37.

6. Erklärung der EG zu den baltischen Staaten, 27. August 1991 // Deutsche Aussenpolitik nach der Einheit 1990–1993. Eine Dokumentation herausgegeben vom Auswärtigen Amt. – Bonn, 1993. – S. 81.

7. Zeittafel vom 12.9. 1990 bis 20.12. 1990 // Deutsche Aussenpolitik nach der Einheit 1990–1993. Eine Dokumentation herausgegeben vom Auswärtigen Amt. – Bonn, 1993. – S. 13–27.

8. Treffen mit baltischen Partnern // Сайт МИД ФРГ [2012]. – Mode of access: www.auswaertiges-amt.de/DE/AAMt/zz_Archiv_BM-Reisen/2012/08_Vaduz_Riga_Oslo/120822_BM_Vaduz.html

9. Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Republik Polen über gute Nachbarschaft und freundliche Zusammenarbeit vom 17.6.1991 // Deutsche Aussenpolitik nach der Einheit 1990–1993. Eine Dokumentation herausgegeben vom Auswärtigen Amt. – Bonn, 1993. – S. 59–71.

10. Deklaration von Weimar vom 29.8.1991 // Deutsche Aussenpolitik nach der Einheit 1990–1993. Eine Dokumentation herausgegeben vom Auswärtigen Amt. – Bonn, 1993. – S. 81–83.

11. Рубинский Ю. И. Германо-польские отношения и «Веймарский треугольник». Аналитическая записка № 24, 2016 (№ 54) / Ю. И. Рубинский. – М. : Институт Европы РАН, 2016. – 4 с.

12. В НАТО заявили об участии 16 стран в ротации сил в Восточной Европе // Сайт РБК [2016]. – Mode of access: <http://www.rbc.ru/politics/26/10/2016/581105489a7947ab15d62082>

13. Chronologie des Jugoslawien-Konflikts ab dem 19. 6. 1991 // Deutsche Aussenpolitik nach der Einheit 1990–1993. Eine Dokumentation herausgegeben vom Auswärtigen Amt. – Bonn, 1993. – S. 428–432.

14. Bosnien und Herzegowina. Beziehungen zu Deutschland // Сайт МИД ФРГ [2016]. – Mode of access: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/BosnienUndHerzegowina/Bilateral_node.html

15. Die deutsche Position : Zwei-Staaten-Lösung durch Verhandlungen // Сайт МИД ФРГ [2016]. – Mode of access: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/RegionaleSchwerpunkte/NaherMittlererOsten/IsraelPalaestinensischeGebiete/IsraelischPalaestinensischerKonflikt_node.html#doc340994bodyText2

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Trunov Ph. O., Candidate of Political Sciences,
Researcher of the Faculty of World Politics
E-mail: 1trunov@mail.ru*